

Глава 3

~1~

Легенда о священных зеркалах (пять священных зеркал)

Зеркала, хранящиеся в пяти храмах этого региона, упоминаются в легенде как «пять священных зеркал». Видимо, это пошло из другой легенды, которая повествует о том, что пять богов, которые давным-давно пришли в этот регион, создали по зеркалу и вложили в них часть своих сил, чтобы эти священные реликвии охраняли регион от бедствия после их ухода.

Но в некоторых сказаниях находятся упоминания о еще одном зеркале. Чтобы предотвратить какую-то большую беду (было ли это то самое «Бедствие» или нет – неизвестно), совместная сила пяти зеркал использовалась в некоем ритуале. Неясно, как этот ритуал связан с ритуалом семьи Химуро, но поскольку в последнем также упоминается использование зеркал, я полагаю, что связь самая что ни на есть глубокая.

Однако, существование Священного Зеркала (как оно описывается в легенде) не подтверждено, и неизвестно, насколько легенда близка к реальности.

Маски, использовавшиеся в ритуалах, и их значение

В ритуалах семьи Химуро использовалось несколько масок, которые имели большое значение. Одна из них, Маска ослепления, использовалась в ритуале с таким же названием. Эта маска с кольями на месте прорезей для глаз была предназначена для того, чтобы буквально ослепить «демона» для последующего Ритуала онигокко.

В легенде говорится: «Пока демон слеп, войди в Храм симэнавэ и проведи ритуал», – может, это означает, что Маска ослепления является ключом к этому «Храму симэнавэ»?

Маска отражения

Маска, которую носил глава семьи Химуро во время проведения ритуалов, известна как «Маска отражения». Согласно местным сказаниям, «лицо может принять облик демона или Будды», что, видимо, означает, что выражение лица маски может изменяться в зависимости от истинной сущности человека, который ее надевает.

Где-то в поместье Химуро есть тайная комната, в которой хранились использовавшиеся в ритуалах маски, и, видимо, для доступа к ней необходима Маска отражения. Есть упоминания о маске, которая приобретала демонические очертания в ходе последнего ритуала, но это может быть просто взято из схожей легенды.

Значимость масок во время проведения ритуалов

Церемония симэнавы и Ритуал ослепления проводились лично главой семьи Химуро. Если верить описаниям, на время проведения этих ритуалов он надевал маску. Думаю, эта традиция не позволяла жрице симэнавы привязываться к окружающим ее людям и, как следствие, к окружающему миру.

Участовавшие в ритуалах поместья Химуро глава семьи, жрица симэнавы и «демон» были выходцами из одной семьи. Другими словами, жертва и тот, кто совершал жертвоприношение, могли оказаться прямыми родственниками. Возможно, маски надевали во время ритуала для того, чтобы у жрицы симэнавы не возникло никаких эмоциональных уз со своей семьей, или чтобы члены ее семьи не могли показать свои чувства.

Возможно, в Ритуале ослепления маски применялись с такой же целью.

Из исследовательских записей Мунакаты Рёзо

Хинасаки Мику

Голос, который слышала Мику, принадлежал девочке.

- Если миновать двор с сакурой и пройти по коридору, окажешься в садках для рыбы. Пройдешь дальше – там будет сад с колодцем. Оттуда сквозь лес идет тропа к святилищу на холме. Я хочу, чтобы ты отправилась туда и спасла ее...

Мику резко подняла голову. В какой-то момент в комнате зажглись свечи на стенах. Рядом со старым японским комодом, куда не долетал свет свечей, она с трудом смогла разглядеть маленькую тень.

- Ты же... та девочка...

Это была, без всякого сомнения, девочка в белом кимоно, которая выручила Мику, когда на ту напал призрак слепой женщины. Даже теперь, несмотря на полумрак, можно было разглядеть слезы в ее глазах.

- Она совершила столько ужасных вещей, но все потому, что она страдает. Поэтому, пожалуйста...

- Она? – спросила Мику.

Нахмутив брови, девочка надула губки. Казалось, она глубоко задумалась над тем, как ответить Мику. Наконец, она, всхлипывая, пробормотала сквозь слезы:

- Думаю, она сильно злится. Ты можешь отказаться, но мне больше некого просить. Поэтому...

В словах девочки чувствовались горе и боль. В ее сердце зияла огромная рана. Мику знала, что эта девочка больше не принадлежала этому миру. Но даже теперь, даже после своей смерти, рана в сердце была столь велика, что она не смогла упокоиться с миром. Боль в ее сердце была необъятной и удушающей. И Мику отчетливо это ощущала.

По щекам Мику покатались слезы. Она понимала ее боль. С самого детства обладая шестым чувством, сторонясь других детей, она ощущала то, что чувствовала девочка.

- Я схожу в святилище и утешу ее, - мягко произнесла Мику.

Услышав это, девочка явно удивилась и посмотрела на Мику округлившимися глазами. Мику улыбнулась и склонила голову. Девочка утерла ручкой слезы, и на ее лице расцвела радостная улыбка.

- Как ее зовут?

- Кириэ, - ответила девочка.

Мику почувствовала, словно по ее спине провели куском льда. Призрак редактора сказал, что Кириэ – имя этой маленькой девочки. В найденной записной книжке Хирасаки, говорилось, что в появлении проклятия и злых призраков повинна женщина по имени Кирие. Если девочка просила ее утешить Кириэ, значит...

- Ты не пойдешь? – спросила девочка, чувствуя смятение Мику.

На Мику волной нахлынули ее печаль и уныние. Она была напугана. Но Мику не собиралась отказываться от своих слов. Если она отвернется от девочки, та навеки погрязнет в скорби и, не в силах обрести покой, будет и дальше блуждать по поместью. Она была так юна, так одинока, без друзей...

- Все хорошо. Я пойду к Кириэ и сделаю все, что в моих силах, чтобы утешить ее,
- сказала Мику девочке и себе самой.

Улыбка на лице этого дитя расцвела еще ярче прежнего. Но ее тут же сменило суровое выражение.

- *По пути ты можешь встретить вещи, которые испугают тебя, но не поддавайся. Возможно, я смогу прийти на помощь...*

- Ничего. Я не намерена сдаваться.

Ведь у меня есть это. Моя мама защитит меня, - мысленно добавила Мику, крепко сжав Камеру Обскура.

- Спасибо. Я еще не встречала никого, вроде тебя.

Голос девочки, казалось, доносился эхом откуда-то издалека. И затем внезапно, несмотря на полное отсутствие сквозняка, все свечи погасли.

Я тоже не встречала прежде никого подобного. До этого у меня никогда не было друзей.

Освещая себе путь лучом фонарика, Мику покинула комнату с очагом.

Хинасаки Мафую

- Мику, нет, это опасно! – закричал я.

- Такого события нет в моей игре. Поверить не могу, что эта девочка попросила Мику спасти Кириэ, - внезапно раздался голос Сibaгути-сана, который словно предвкушал мой шок.

Прежде чем исчезнуть ранее, он явно был в сильном смятении, но теперь его лицо было совершенно спокойным. Про меня же такое вряд ли можно было сказать. Я просто не мог спокойно стоять и слушать, как он говорит о нас с Мику как о каких-то игрушках. Подойдя к Сibaгути-сану, я схватил его за грудки. Его глаза расширились от изумления.

- П-постой! Это не похоже на Хинасаки Мафую. Он спокойнее, чем...

- Это *Вы* так считаете, - с силой отшел я прочь слова Сibaгути-сан. За мной никто никогда не гнался так энергично. Но всему есть предел. Я вцепился в Сibaгути-сана, его лицо исказила боль.

- Ты чего, Хинасаки? Угомонись!

Между нами вдруг вклинился Йока-сан. Его внезапное появление, изумление Сibaгути-сана, да и мой эмоциональный всплеск резко охладили мой пыл.

- Не очень-то прилично внезапно хватать людей, - пожаловался Сibaгути-сан Йоке-сану, поправляя воротник своего пострадавшего пиджака.

- Ну, ну, похоже, Вы целы и невредимы.

Повернувшись ко мне спиной, Йока-сан положил ладонь на плечо Сibaгути-сана, отчаянно пытаясь успокоить его. Пока Сibaгути-сан приходил в себя, Йока-сан подошел ко мне.

- Что случилось? Я отвернулся на минуту и...

- «На минуту»..?

- Ну да, я отошел отлить. Три, может, четыре минуты, Когда я вернулся, ты, всегда бывший таким вежливым...

Я усталился на Йоку-сана. У меня разболелась голова. Не понимая, почему он так на меня смотрит, я ответил ему таким же озадаченным взглядом. Было совсем не похоже на то, что он говорит неправду. Настала моя очередь недоумевать.

- Вы отошли всего на пару минут? – переспросил я.

- Слушай, ты чего, а? Эй, Сibaгути-сан, скажите ему, - Йока-сан повернулся к Сibaгути-сану в поисках поддержки. Тот кивнул.

- Да, пять минут, максимум.

- Что же за это время произошло между Вами и Хинасаки?

- Мне тоже хочется это знать. Я отвлекся на минуту, чтобы привести свои записи в порядок, как вдруг он схватил меня.

Когда Йока-сан перевел взгляд на меня, губы Сibaгути-сана исказила ухмылка. Кровь в мгновение ока прильнула к моей голове, и я двинулся прямо на него. Не успел я даже коснуться его, как Йока-сан схватил меня и удержал.

- Ты что делаешь, Хинасаки?

В выражении его лица я почувствовал скорее злобу, нежели изумление. По его глазам можно было понять, что я тут, по-видимому, единственный, кто создавал проблемы.

- Ладно. Давайте успокоимся и поговорим, - я развел руки, показывая тем самым, что у меня нет враждебных намерений.

Несколько раз глубоко вздохнув, чтобы успокоить свои эмоции, я повернулся к Йоке-сану.

- Прошу прощения, что опять спрашиваю, но Вы действительно отошли только на пару минут?

Йока-сан явно не понимал, почему я задавал ему один и тот же вопрос, и наверняка уже начал сомневаться в моей вменяемости, но сдержался и все рассказал. Согласно его словам, мы и часа не провели в этом поместье. Устав, мы решили устроить здесь перерыв, и Йока-сан отошел, чтобы справить нужду.

Когда он вернулся, место само по себе стало каким-то... другим. А еще он застал стычку между мной и Сibaгути-саном, с которым я и прежде-то не очень хорошо ладил.

Я был согласен лишь с его последними словами. Все остальное было полным бредом. Нет, наверное, слово «бред» здесь не совсем уместно. Посмотрев на Йоку-сана, я понял, что он искренне верил в то, что рассказал мне. Но Сibaгути-сан явно лгал. С момента появления Йока-сана его поведение кардинально изменилось.

Это было ясно по тому, как он смотрел на меня, показывая язык. Но я не знал, как обратить на это внимание Йоки-сана. Осторожно подбирая слова, я рассказал Йоке-сану свою версию того, что произошло до сего момента. О том, как он исчез, а я услышал голос Такаmine-сана, после чего пропал и Сibaгути-сан. О том, как моя сестра Мику оказалась в поместье, и как я вдруг начал видеть и чувствовать то же, что и она...

- Хахахаха! Я, конечно, рад, что ты так с такой страстью принялся за работу, но это уж совсем, - рассмеялся Йока-сан.

Я сомневался, что мне удастся сдержать раздражение и объяснить, что дело было вовсе не в этом. Горько усмехнувшись, я уставился на Сibaгути-сана. Мне было интересно, как он поступит. Глядя на нас, Сibaгути-сан самодовольно произнес:

- Может, кто-то где-то перезагрузил игру.

- Разве такое возможно? – рефлексивно спросил я.

Сibaгути-сан явно что-то сделал, чтобы перезагрузить память Йоки-сана. Это бы объяснило, почему Йока-сан не осознавал, сколько прошло времени. Пока я раздумывал над тем, что было бы, будь это правдой, меня посетил новый страх. Если это правда, значит, мир, в котором я был – это мир внутри игры. Неужели я все делал так, как хотелось Сibaгути-сану?

Пройдя мимо изумленного Йоки-сана, Сibaгути-сан приблизился ко мне.

- Все так, как ты думаешь. Теперь нет смысла отрицать мои слова.

Несмотря на то, что мне хотелось сказать, я закусил губу и посмотрел на Сibaгути-сана. Спокойно ускользнув от моего взгляда, он пробормотал:

- Мику скоро окажется в святилище. Мне не терпится увидеть, что же произойдет.

- О чем ты, Сibaгути? Нам следует вер...

Йока-сан вдруг замолк на полуслове. Цвета его начали размываться, а тело – потрескивать и искрить.

- Ну вот, он опять пропадает. Раздражает, да? – сказал Сibaгути-сан.

Йока-сан внезапно исчез. Глядя на мое изумленное лицо, Сibaгути-сан ухмыльнулся.

~2~

Хинасаки Мику

Покинув помещения поместья, Мику вышла во двор с сакурой, как ей сказала девочка. На улице продолжала господствовать ночь, и было довольно-таки прохладно. Несмотря на то, что основной ее целью было найти своего брата, она просто не могла проигнорировать просьбу девочки. Мику была уверена, что, откажи она ей, этому кошмару не будет конца.

Если Бедствие не сдержать, оно будет распространяться. И это означало не только то, что всех будущих посетителей этого поместья будет ждать ужасная судьба. Гнев призраков очень силен. Нельзя позволить им еще глубже погрузиться в скорбь. Мику не могла это допустить. Как сказала девочка, женщина по имени Кириэ рассталась с жизнью в невообразимых муках и обратилась в мстительного духа.

При мысли о том, сколько же боли и страданий она испытывала, у Мику защемило в груди. Все потому, что, как она думала, ее сердце было другим. Если честно, она боялась. Боялась, что не сможет с этим справиться. Если Кириэ была той,

кто контролирует это бурлящее злобой поместье, какой же невообразимой духовной силой она обладала..? Сможет ли Мику утешить ее или же будет убита на месте?

С призраком редактора все было так же. К несчастью, похоже, покровитель ее брата Такаmine-сан и Хирасака были уже мертвы. Значит, следующим будет...

Думая об этом, Мику поняла, что намеревается успокоить дух Кириэ не только по просьбе девочки. После Такаmine-сана и Хирасаки следующим, без сомнения, будет ее брат. Если это так, то ей стоит поспешить к Кириэ успокоить ее дух, прежде чем это произойдет.

Ей было страшно.

Она бы с радостью не пошла, будь у нее альтернатива. Но все ниточки неизменно вели ее к Кириэ. Мику словно шла по невидимым рельсам. Руководствуясь словами девочки, Мику обошла по периметру двор с сакурой и, пройдя по коридору, нашла садки для рыбы. Помещение походило на огромный холодильник, заключенный в каменные стены. Над водой вместо приличных мостков были брошены доски. В садках все было влажным, даже воздух, и Мику, посветив на доски фонариком, удостоверилась, что их покрывала плесень.

Стоило ей ступить на доску, она тут же почувствовала, что соскальзывает, и отступила. Лежавшие на доске камушки, потревоженные ее сапогом, скатились в воду. Тут же раздался звук, словно что-то ударило по воде. И еще раз. И еще. Мику вздохнула и замерла. Она с опаской посветила фонариком в воду.

Одну сторону резервуара и часть стены, которая соприкасалась с водой, усеивал зеленый мох. Вдруг она увидела тень, медленно двигавшуюся под поверхностью воды. Когда Мику рефлекторно сделала шаг назад, раздался всплеск, и что-то выпрыгнуло из воды.

Это был черный карп, длиной более полуметра. В стороне она увидела другую рыбину, плывшую следом за еще большей тенью. Посветив фонариком, Мику увидела что-то длинное и тонкое, скользившее под водой, вызывая на поверхности волны.

В ее голове тут же пронеслась цепочка мыслей: змея... водяная змея... Проснулись воспоминания из школы, когда она узнала, что сгнившая веревка олицетворяла змей. Вот только она не могла вспомнить, когда и на каком уроке слышала это. Кажется, ей рассказывали, что это пошло от того, что гнилая веревка похожа на свернувшуюся змею.

Но когда ей это рассказывали? Она не могла вспомнить, как ни старалась. Несмотря на то, что она совершенно не помнила ни учителей, ни своих одноклассников, почему-то именно эта мысль с силой въелась в ее разум.

Она вспомнила записи в книжке, которую она подобрала.

- Кириэ... Жрица симэнавы... Еще одна веревка. Вербка...

Неужели все так, как сказал тот призрак? Неужели я действительно лишь персонаж в игре? Нет, не может быть...

Она с силой помотала головой, отбрасывая прочь эти мысли. И тут она услышала доносившийся откуда-то голос. Кто-то пел песню, где-то очень далеко. Голос был едва различим, но Мику могла сказать, что тому, кто пел, явно не хватало опыта.

Внезапно голос затих, словно затянутый в пустоту. Его место занял сухой и мрачный звук. Он звучал где-то впереди, куда Мику держала свой путь. Задержав дыхание, Мику пригляделась и смогла различить на другой стороне этого темного и сырого помещения какое-то сияние.

Мику выключила фонарик. Это было неожиданное движение. Видимо, она машинально решила не выдавать кому бы то ни было своего присутствия. Стоило ей сделать это, она смогла различить впереди слабый огонь свечи. Мику не знала, горела ли она там все время или же зажглась вместо фонарика.

Садки были не такими уж большими. Может быть, где то с половину волейбольного поля. И среди легкой дымки, видимо, создаваемой влажностью помещения, где-то метрах в десяти впереди колыбался слабый огонь свечи.

Рядом со свечой периодически что-то ярко мерцало, сопровождаемое скребущим звуком. Мику замерла и напрягла глаза, пока, наконец, ее зрение не привыкло к темноте. Стены покрывала слизь, видимо, от сырости и многих лет хранения рыбы. Мох слабо светился в темноте, позволяя глазам Мику лучше приспособиться к мраку.

- Их приготовят на фестиваль.

Тень человека, который, похоже, был здесь все это время, выступила вперед и заговорила с ней. В свете свечи Мику увидела мужчину в переднике. Скребущий звук издавал кухонный нож в его руке. Перед ним на разделочной доске лежал черный карп, с которого он с энтузиазмом удалял чешую.

- Фестиваль...? – пробормотала Мику, сама удивившись своему вопросу.

- Да. Раз в год Химуро-сама приглашает жителей деревни в поместье. Хотя, какое «раз в год»... С последнего фестиваля прошло уже много лет.

Ей не стоило спрашивать. Лучше не связываться. Она знала это, но любопытство не давало покоя ее сердцу, словно наполняя голову жутким шелестом мертвых листьев.

- Почему?

Нож замер. Хвост очищенного карпа, которого мужчина держал в руке, ударил по разделочной доске.

- Ну... произошел один случай.

Он взмахнул ножом и отсек карпу голову. Обезглавленная рыба дернулась.

- Что еще за «случай»? – спросила Мику.

Она сама не могла в это поверить, но по неизвестной причине воздух между ней и мужчиной как будто тек, что она могла описать лишь как странное ощущение, словно она оказалась заключена в пространстве, оторванном от реальности.

- Господин сошел с ума. Он строго придерживался семейных заповедей, но члены семьи и жители деревни любили его всей душой. Однако он совершил ужасную ошибку. И не смог вынести ее бремя. Он прекрасно владел клинком, но это обернулось горем, когда он в безумии изрубил всю семью, после чего покончил с собой.

- Ужасную ошибку...?

Нет, я должна убраться отсюда, сейчас же!

Когда этот ее внутренний крик эхом разнесся в голове, у нее волосы встали дыбом, но любопытство победило, и она спросила:

- Он ранил чувства «жрицы симэнавы», верно? Он приказал убить ее возлюбленного. По этой причине Ритуал удушения окончился неудачей, и началось Бедствие.

- Жрица симэнавы...

- Вы ее знаете.

Нож в руке мужчины снова замер.

- Знаю...?

- Ее зовут Кириэ.

Мужчина поднял голову. На его совершенно гладком лице не было ни глаз, ни носа. Лишь ярко-красные изогнутые губы. Густая клейкая кровь текла из уголков его рта, падая на карпа. Как только багряная жидкость коснулась ее, рыба начала бешено извиваться и менять форму. Карп превратился в змею, которую Мику видела в воде... обезглавленную змею... гнилую веревку...

Словно почувствовав ее мысли, змея вновь изменила форму, и на покрытой кровью разделочной доске остался лежать моток старой веревки. Она обмоталась вокруг запястья мужчины, словно живая, и он потянулся к своей шее. Веревка тут же затянулась узлом вокруг нее, вгрызаясь в плоть.

Голова мужчины за несколько мгновений была грубо оторвана от тела и со стуком укатилась в воду.

- Кьяяяяааааааа!

Крик Мику эхом разнесся по помещению.

~3~

Каким-то чудом Мику удалось проскользнуть мимо обезглавленного мужчины и покинуть помещение с садками. Пробежав по тропе, обнесенной с обеих сторон бамбуковой изгородью, она оказалась в саду, в котором горели фонари. Среди них на деревянном помосте стоял мужчина в хаппи¹ и бил в барабан. Вокруг него танцевали мужчины и женщины самых разных возрастов, одетые в юкаты². Как сказал человек в садках, фестиваль был в самом разгаре.

Chitose yama karaa, kouka no tane maita yoo, aa shanshan, sore de yama agataa, haa, anadarake saaa, satsuka sharetsu ka sharya, saita hana yori naaa, miru hana yori mo yoo aa, shanshan, tsunde tanoshii wa naaa no utaa, saa saa saa satsumasharetsumashare, shanshan...

Не смотри. Не приближайся.

Прижавшись к изгороди, она ускорила шаг, не поднимая взгляда.

¹ Хаппи – традиционная японская верхняя одежда (что-то вроде пиджака), на которой изображен отличительный знак дома (камон). Обычно их надевают на фестивали. Изначально хаппи представляли знак дома, поскольку их носила прислуга.

² Юката – летнее повседневное кимоно без подкладки, сделанное из хлопка, льна или пеньки. Их надевают в основном во время отдыха. Нарядные, яркие юкаты часто носят на фестивалях люди всех возрастов.

- Хахахаха!

К ней побежали дети в юкатах, заливаясь невинным смехом. Она мельком взглянула на лицо одного из них. Оно было похоже на вскрытый гранат. Из глубоко рассеченной плоти текла густая жидкость.

- Не подходите, я умоляю! Не подходите ко мне! – не останавливаясь, пробормотала Мику дрожащим голосом.

Один из детей ухватился за край ее юбки, но не удержался на ногах и упал.

- П-прости, - она замерла, поспешно подавив свои чувства.

Ребенок закрыл лицо ладонями и заплакал. Звуки барабана тут же прекратились. Мику быстро оглянулась и увидела, что все, кто танцевал, остановились и теперь смотрели на нее. Лица всех были покрыты кровью. Люди с выдавленными глазами, отрезанными ушами и носами, разорванными от уха до уха ртами, отсеченными руками и ногами, в заляпанных почерневшей кровью юкатах...

Толпа вытянула вперед руки и все как один погнались за Мику. Ее сердце заколотилось, словно обезумевшее; с губ срывалось прерывистое дыхание. Было тяжело, но она не могла позволить себе остановиться. Потому что тогда они ее схватят, и все будет кончено.

Такое количество призраков может просто разорвать ее и сожрать живьем.

Ее желудок сжался от напряжения и страха. Она как-то умудрилась сбежать из сада и увидела перед собой каменные ступени. Видимо, это был тот самый путь к святилищу, о котором говорила девочка. Пошатнувшись, Мику рухнула на ступени.

Ощущая ужас, бесчисленными иглами пронизывавший ее спину, она заставила себя подняться на ноги и сосредоточилась на преодолении ступеней. Когда она уже, задыхаясь, готова была упасть в обморок, ступени вдруг закончились. Перед Мику возвышались тории³, а за ними – ветхое святилище. Похоже, она смогла добраться до цели.

Обернувшись, она увидела, что за ее спиной никого не было. Ни топота, ни гомона толпы. Мику, наконец, позволила себе поддаться слабости и почувствовала, как дрожат ноги. Облегченно вздохнув, она уселась прямо на вымощенную камнем дорожку и попыталась отдышаться. Пот стекал по лбу, смешиваясь со слезами и разъедая глаза.

- Здравствуй... - раздался голос.

Подняв взгляд, она увидела перед своими глазами лоскут тонкой хлопчатой ткани. Рядом стояла не замеченная Мику девушка, ее ровесница, в белом кимоно. Мику, не успев толком расслабиться, тут же напряглась.

Девушка смотрела на Мику сверху вниз. На ее нежных губах возникла легкая улыбка.

Я ее уже где-то видела.

³ Тории – ритуальные врата, перед кумирнями или синтоистскими святилищами. Традиционно представляют собой выкрашенные в красный цвет ворота без створок, из двух столбцов, соединенных поверху двумя перекладинами. Является одним из самых легкоузнаваемых символов Японии.

Казалось, это было очень давно и, в то же время, совсем недавно. Она не была до конца уверена в обстоятельствах, но они определенно встречались.

- Кто ты? – спросила Мику.

Не ответив, девушка мягко пробормотала:

- *Вот, вытри пот.*

Естественно, Мику была смущена, да к тому же еще и испугана недавним зрелищем. Но, что странно, девушка ее не пугала. Напротив, она казалась вполне дружелюбной, если не сказать «нежной».

Поблагодарив девушку, Мику взяла протянутую ткань и вытерла лоб и шею. После, встав, она аккуратно сложила лоскут.

- Прости, что испачкала.

Она протянула ткань, но девушка легко покачала головой.

- *Нет, возьми себе,* - сказала она. Ее ноги, обутые в зори⁴ с красными ремешками, сделали пару шагов вперед. Отвернувшись от Мику, она бросила взгляд в чашу, окружавшую путь к святилищу.

Мику скользнула глазами по ее спине. Ее длинные черные волосы резко контрастировали с белым кимоно. Их глянцевый блеск был замечен даже в ночи. При виде ее лица Мику подумала, что они ровесницы, но теперь, глядя на ее спину, девушка казалась гораздо старше. Когда Мику внезапно для себя подумала, почему, то поняла, что, возможно, знает ответ.

Наверное, всему виной печаль. Порой спина человека может передавать его самые сокровенные эмоции даже лучше, чем слова. Но это был первый раз, когда Мику испытала нечто, столь тяжелое для сердца. Глядя на царственную спину девушки, она чувствовала бездонную пучину грусти. Мику не могла объяснить, почему, но это было холодное, одинокое чувство.

Мику поднесла подаренный девушкой кусок ткани к глазам. Внезапно для себя она заплакала.

- *Спасибо,* - не поворачиваясь, пробормотала девушка. Ее голос был мягким, но в то же время полным боли и печали. – *Но...*

Это слово было резким, подобным удару плети.

В воздухе тут же повисло напряжение.

- Кто..? – начала свой вопрос Мику, но замолкла.

Она без всяких вопросов знала, кто эта девушка. Она, должно быть, Кириэ. Но по пути сюда Мику представляла ее совсем не такой, поэтому ей и захотелось спросить, чтобы удостовериться. Да, наверное, будет лучше сказать, что Мику хотела именно *удостовериться*, нежели просто спросить.

Ты Кириэ? Действительно, та самая Кириэ, обрушившая несчастье на это поместье?

⁴ Зори – плоские японские сандалии, которые делают из рисовой соломы (или иных растительных волокон), ткани, лакированного дерева, кожи, резины или синтетических материалов.

- Да, - повернувшись к Мику, пробормотала девушка. – Я Кириэ. Но беда случилась не по моей вине.

Мику ждала продолжения, но девушка ничего больше не сказала и вновь отвернулась. Величественность, которую так и излучала ее спина, лишь усилилась, стала еще более плотной, словно большой сугроб свежеевыпавшего снега. Мику поняла, что от девушки ее отделяла бесконечно глубокая темная пропасть, несмотря на то, что между ними было от силы метра два.

Слезы, не переставая, текли по щекам Мику. Она не знала, почему. Дело не только в суровости девушки, была еще какая-то, не ведомая Мику причина. От этого незнания сердце Мику застыло. Слезы были единственным средством для нее, чтобы выразить свои чувства.

- Взгляни на это.

Повернувшись, девушка вытянула руку. В ней был зажат старый свиток. Мику взяла его и, посветив фонариком, принялась читать:

Оплачь почтенную душу жрицы симэнавы. Предложи пять священных статуй Будды ее членам, наполненным болью.

Поблаговари пять богов за их защиту. Возложи камень, суть который пять зеркал, на положенное место.

Отринь жалость к жрице. Привяжи симэнаву к ее рукам и ногам. Сначала правая рука, затем левая. Правая нога, затем левая.

Ритуал удушения

На тринадцатый день двенадцатого месяца жрицу, прошедшую очищение, не знавшую мира живых 3669 дней, разрывают на части, чтобы напитать симэнаву ее силой.

Ритуал онигокко

На двадцать шестой день одиннадцатого месяца избери девочку возраста более семи лет, девяти месяцев и двадцати пяти дней для

следующего Ритуала удушения, который произойдет через десять лет.

Бедствие

На тринадцатый день двенадцатого месяца Ритуал удушения завершился неудачей. Врата ада раскрылись и Злоба – миазмы, порожденные гневом земных божеств – унесла 1347 жизней.

- Что это..?

- Я так долго скорбела после этого. Мне хотелось жить. Жить вместе с ним... Но они были сильнее. Они привязали веревки к мои рукам, ногам и шее и разорвали меня на части. Я была еще жива...

Едва она произнесла последнее слово, ее тело словно взорвалось. Мику отшатнулась, словно от порыва сильного ветра и, не удержавшись на ногах, упала. Сквозь пальцы рук, которыми она прикрыла лицо, Мику посмотрела на Кириэ. Но там стояло нечто иное, совершенно отличное от безмятежной девушки, с которой она разговаривала несколько секунд назад.

Это определенно была Кириэ, но она изменилась до неузнаваемости. За ее спиной танцевало неистовое пламя. Нет, не пламя – скопление чистой злобы. Ее было так много, что обостренное шестое чувство Мику спутало ее с пламенем.

В воздухе повеяло жутким запахом, словно от целой кучи тухлых яиц. Эта вонь, от которой к горлу Мику подступила тошнота, была присуща злым созданиям. Мику и прежде ощущала подобные запахи, но чтобы такой силы...

Вместе с запахом из тела Кириэ появилось нечто, похожее на черный дым. В нем корчились искаженные очертания бесчисленных душ. Это были проклятые души, которых погубила ярость Кириэ. Проклятье лишило жертв возможности обрести вечный покой, привязав к их убийце.

Омерзительные призраки испускали вой, который, казалось, мог разорвать сердце любого, кто его услышит.

- Таааааак боооольноооо... Мои руки и ноги.... Их нет.... Моей головы нет..!

- Аааааааа... Помогииииитееее....

- Ааа.... Когда... когда закончатся эти страдания..? Лучше... сгинуть в адуууу..!

Прекрати, отпусти их! – взмолилась Мику, прижав ладони к ушам. Излучаемая Кириэ ярость усилилась. Тем самым она дала Мику отказ, не сказав ни слова. Вопли призраков уже довели Мику до предела. Еще немного, и их ужасные крики разрушат ее разум и сведут с ума.

Образ прежней, доброй Кириэ мелькнул в ее голове. Мику вновь взмолилась, изо всех сил цепляясь за этот образ.

Прошу, прекрати. Отпусти их...

На нее вдруг налетел внезапный порыв ветра.

- Тебе не сбежать! Ты ощутишь мою боль... ту самую боль..! – крик Кириэ был подобен грому.

Дело плохо. Такими темпами Мику присоединится к сонму призраков за спиной Кириэ. С трудом преодолевая потоки ярости, подобной неистовой буре, Мику подняла Камеру Обскура. Видоискатель отреагировал на духовную силу Кириэ и засветился синим. Прошептав «Прости...», Мику щелкнула затвором.

Но ничего не произошло.

Мику щелкнула еще раз, и еще, и еще, но это, казалось, лишь подливало масла в огонь. С каждым снимком злоба Кириэ лишь усиливалась.

- Ты ощутишь мою боль. Я заставлю тебя почувствовать мою боль!

Кириэ обратилась в бурлящую массу ненависти. На ее лице возникла ханья⁵. Злой огонь в ее глазах разгорелся еще сильнее. Ярость растянула ее губы, видимые сквозь прорезь в маске, в жуткую ухмылку чуть ли не от уха до уха.

Нет... Это была не ханья. Таково было истинное лицо Кириэ. В ту же секунду, когда Мику осознала это, все ее тело оказалось парализовано. Рев Кириэ не только пронзал ее уши, но и, казалось, проходил сквозь нее, словно вибрация от мощного землетрясения.

- Я заставлю тебя почувствовать мою боль. Мою боль...

Громкий звук сотряс все ее тело, жутким ожогом запечатлевшись в самых дальних уголках ее разума.

- Нееееееееееееет!

Нервы Мику оборвались все, как один.

~4~

Хинасаки Мафую

Я убежал от Сibaгути-сана. Неизвестно, что случилось бы, проводи я с ним еще больше времени. Вид Йоки-сана, исчезнувшего прямо на моих глазах, поразил меня до глубины души. Я полностью сосредоточился на беге, стараясь убраться подальше

⁵ Ханья – театральная маска, представляющая собой страшный оскал ревнивой женщины, демона или змеи, при прямом ее положении. Однако, если маску немного наклонить, то из-за скошенных бровей создается видимость безутешно рыдающего лица. Маска обладает двумя острыми бычьими рожками, металлическими глазами и полураскрытым ртом от уха до уха.

от Сibaгути-сана. Однако, меня не покидала мысль, что все мои усилия были тщетны.

От этой мысли мне стало так дурно, что я уже не мог больше сдерживаться. Иока-сан не был реален. Тогда был ли я, которому он предложил написать книгу, реален? Если Иока-сан был лишь порождением воображения Сibaгути-сана, значит, я получил работу от того, кто не существовал в этом мире.

Нет... Минуточку.

Иока-сан и я знали друг друга задолго до знакомства с Сibaгути-саном. Это значит, что мои воспоминания о работе с Иокой-саном, на самом деле не были настоящими? Если этот так, получается, что Такаmine-сан, познакомивший нас, тоже не существовал? А, исходя из этого, Мику и я существовали лишь в виртуальном мире?

Эти мысли полностью лишили меня самообладания, и мне оставалось лишь бесцельно бежать по поместью. Все сильнее утопая в отчаянии, я потерял счет времени, и остановился лишь тогда, когда увидел шарф, лежавший на полу.

Я сразу же узнал этот красный шарфик. Тяжело дыша от бега, я наклонился и поднял его. Он принадлежал Мику. Это был ее любимый шарфик, поэтому она всегда повязывала его вокруг шеи. Я подумал о Мику – должно быть, он был на ней, когда она пришла в поместье.

Я огляделся. Здесь Мику сражалась с призраком редактора Огаты. Мои пальцы крепко сжали шарфик Мику. Ощущение мягкой ткани вернуло уверенность и жизненную силу, которые покинули мое сердце. Если Мику была лишь игровым персонажем, она просто не могла обронить его. Этот шарфик был моим единственным доказательством того, что она существовала на самом деле. Доказательство, конечно, косвенное, но в моем состоянии оно придало сил моему сердцу.

Не желая столкнуться с Сibaгути-саном, я вновь перешел на бег и еще сильнее углубился в поместье. Найдя шкаф, я открыл его и спрятался внутри, обхватив руками колени. Сидя в темноте, я вновь обдумал все, что произошло со мной до сего момента. Первое, что пришло мне на ум – это то, что я не мог сказать с уверенностью, было ли исчезновение Иоки-сана связано с тем, что он существовал лишь в виртуальной реальности. Иока-сан, которого я видел, был создан Сibaгути-саном, но не было никаких доказательств того, что он был как-либо связан с «настоящим» Иокой-саном. Напротив, было в этом Иоке-сане что-то странное, отличное от того, которого я знал. Взять хотя бы его воспоминания.

Далее я подумал о поведении Сibaгути-сана. Он занервничал, услышав мои слова, и, не сказав ни слова, исчез. Затем, словно ничего этого не произошло, он вновь появился, самоуверенный, как и прежде. Его манера речи и поведение были противоречивыми, неестественными. С моей точки зрения, именно Сibaгути-сан казался виртуальным.

Подумав об этом, я воодушевился. Даже если Сibaгути-сан был настоящим, может, им кто-то управлял? Может, он играл большую роль во всех этих событиях, желал он того или нет? Нет, его наверняка заставили.

Вполне возможно, что он сам не понимал, что реально, а что лишь игра, и сломался, не действуя более по своей воле. Но если это так, то кто стоял за всем этим? Кто бы это ни был, неужели он с самого начала планировал запереть нас здесь? Я, Мику, Такамине-сан и другие оказались здесь согласно чьему-то плану. Реальность и игра смешались, утянув нас в пучины одного большого замысла.

Но кто... и зачем..?

Я почувствовал, что кусочки мозаики начали потихоньку складываться. У меня не было цельной картины, но я мог видеть ее часть. По крайней мере, то, во что я ввязался, не было простой работой над книгой. Мне нужно было нечто большее. А полная картина была достаточно внушительной.

Мои тело и разум были возбуждены. Наверное, моя журналистская кровь чуяла большую загадку. Но с чего начать? Подумав об этом, я почувствовал, что мне стоит вернуться к началу. Возможно, в конце концов, я так ни до чего не дойду – или же обстоятельства станут еще больше таинственными.

- Успокойся. Сосредоточься, - сказал я себе.

Была у меня такая дурная привычка, когда, столкнувшись с невообразимыми событиями, мой разум пустел, а мысли начинали путаться. Такамине-сан однажды указал мне на это. Он сказал:

- Поспешность в суждениях лишь создаст еще большую суматоху в твоей голове. Даже столкнувшись с большой тайной, ты должен улучшить момент и ухватить единственную нить, которая приведет к тебе к должному объяснению. Например, когда тебе уже кажется, что сложившейся ситуации нет никакого объяснения, ты в конечном итоге сможешь найти эту нить, если приложить усилия. Твоя вера в это или неспособность совладать с собственной вспыльчивостью – вот что определит, получится у тебя или нет.

Успокойся.

Успокойся и ищи возможность, сказал я себе, и ответ пришел сам собой. Мику. Я должен начать ее поиски. Тогда я наверняка найду новую зацепку, которая внесет ясность в общую картину. Но дело было даже не в этом – я волновался за нее. Я назначил ее поиски делом первостепенной важности. Но где мне ее искать? Когда я видел ее в последний раз, она направлялась в святилище. Там она встретила девушку по имени Кириэ и...

Я поспешно достал бумаги из кармана. Страница в описании сюжета была вырвана, но, может, найдется что-нибудь еще. Внимательно просмотрев страницы, я нашел наброски, выведенные от руки. Это было что-то вроде схемы зависимостей со стрелочками. Видимо, ее использовали на этапе отладки структуры игрового повествования.

Мой взгляд наткнулся на порядок локаций:

*Садки для рыбы -> сад с колодцем -> лесная тропа к святилищу -> святилище
Наруками*

Очевидно, что по этому маршруту шла Мику. Разумеется, путь не был ограничен этой схемой. Был большой шанс того, что он отклонялся от игры. Но все же это была зацепка. Я буду следовать этой схеме и встречусь с Мику.

Подумав об этом, я посмотрел туда, куда вели стрелочки:

Мику встречает Кириэ в святилище Наруками. Теряет сознание. Ночь 1 – пройдена -> Ночь 2 – начало. Мику приходит в себя в комнате с куклами

- Комната с куклами...

Во время поисков Йоки-сана и Сибагути-сана я наткнулся на комнату с многоярусной подставкой хинакадзари, накрытой красной тканью, на которой были выставлены японские куклы. Должно быть, это она и есть. Если я прав, то я найду Мику там. Приняв решение, я вылез из шкафа.

И меня объял страх. Из-за своей хаотичной беготни я теперь понятия не имел, где находился.